

Научная статья
УДК 347.71

Исламские финансы в правовом поле России и стран Содружества Независимых Государств

Динара Борисовна Миннигулова¹, доктор юридических наук, доцент
Владимир Иванович Трысячный², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

¹ minnidinara@mail.ru, ² trysyachny.vi@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-7766-3908>, ² <https://orcid.org/0000-0003-2967-4773>

Аннотация:

Введение. Интеграция «исламских» финансов в правовое поле России и стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) сталкивается с фундаментальным конфликтом парадигм: между моделью, основанной на запрете ссудного процента (риба), неопределенности (гарар) и спекуляции (майсир), и традиционной долговой процентной системой. Принятие Федерального закона № 417-ФЗ о партнерском финансировании позволило фрагментарно использовать исламские финансовые институты, но в то же время выявило ряд противоречий, требующих критического анализа правовых вызовов и системных ограничений. Цель статьи – обозначить основные барьеры интеграции «исламских» финансов в правовое поле России и стран СНГ. **Методы.** В качестве методов исследования использовались сравнительно-правовой анализ, контент-анализ нормативных и доктринальных источников, а также системный метод для оценки регуляторных финансовых моделей. **Результаты.** Анализ российского эксперимента и практики стран СНГ (Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан) по внедрению исламских финансов в правовое поле и его сопоставление с лучшими мировыми практиками (Великобритания, Малайзия, ОАЭ) позволяет сделать следующие основные выводы: 1. Ключевыми барьерами интеграция «исламских» финансов и банкинга в правовое поле России являются региональная ограниченность эксперимента, риск двойного налогообложения, отсутствие легальных дефиниций «исламских финансовых инструментов» и невозможность создания полноценных «исламских» банков в рамках действующего закона «О банках и банковской деятельности», что обрекает указанный сектор на функционирование в «серой» правовой зоне. 2. В странах СНГ, за исключением Казахстана, Азербайджана и Кыргызстана, интеграция «исламских» финансов сталкивается с правовым вакуумом, фрагментарным правовым регулированием, при этом наиболее прогрессивные юридические решения демонстрируют Кыргызстан (легализация «исламских» принципов банковского дела) и Казахстан (законодательная интеграция «сукук» и «исламских» инструментов). 3. Лучший международный опыт интеграции «исламских» финансов и банкинга (Великобритания – регуляторная нейтральность, Малайзия – централизованный шариатский надзор, ОАЭ – специализированные хабы и регуляторные песочницы) доказывает, что устойчивое развитие «исламских» финансов и «исламского» FinTech невозможно без целенаправленного формирования адаптированных регуляторных и институциональных рамок.

Ключевые слова:

«исламские» финансы, «исламский» FinTech, «исламский» банк, «исламский» банкинг, партнерское финансирование, правовой эксперимент, регуляторная песочница, риба, майсир, сукук, гарар, шариатский комплаенс

Для цитирования:

Миннигулова Д. Б., Трысячный В. И. Исламские финансы в правовом поле России и стран Содружества Независимых Государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 143–159.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026;
одобрена после рецензирования 28.07.2026;
принята к публикации 25.09.2026.

Islamic finance within the legal framework of Russia and the Commonwealth of Independent States

Dinara B. Minnigulova¹, Doc. Sci. (Jurid.), Docent

Vladimir I. Trysyachny², Doc. Sci. (Econom.), Professor

^{1,2} Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ minnidinara@mail.ru, ² trysyachny.vi@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-7766-3908>, ² <https://orcid.org/0000-0003-2967-4773>

Abstract:

Introduction. The integration of "Islamic" finance into the legal framework of Russia and the CIS countries faces a fundamental clash of paradigms: between a model based on the prohibition of usury (riba), uncertainty (gharar) and speculation (maysir), and the traditional debt-based interest system. The adoption of Federal Law No. 417-FZ on partnership financing has enabled the piecemeal utilisation of Islamic financial institutions, but at the same time has revealed a number of contradictions requiring critical analysis of legal challenges and systemic constraints. The aim of the article is to identify the main barriers to the integration of "Islamic" finance into the legal framework of Russia and the CIS countries. **Methods.** The research methods employed included comparative legal analysis, content analysis of normative and doctrinal sources, as well as a systemic approach to evaluating regulatory financial models. **Results.** Analysis of the Russian experiment and the practices of CIS countries (Kazakhstan, Azerbaijan, Kyrgyzstan) regarding the introduction of "Islamic" finance into the legal framework, and its comparison with global best practices (the United Kingdom, Malaysia, the UAE), allows the following main conclusions to be drawn. 1. The key barriers to the integration of "Islamic" finance and banking into the Russian legal framework are the regional limitations of the experiment, the risk of double taxation, the absence of legal definitions of "Islamic financial instruments" and the impossibility of establishing fully-fledged "Islamic" banks within the framework of the current law "On Banks and Banking Activities", which condemns this sector to operating in a "grey" legal area. 2. In the CIS countries, with the exception of Kazakhstan, Azerbaijan and Kyrgyzstan, the integration of "Islamic" finance faces a legal vacuum and fragmented legal regulation, whilst the most progressive legal solutions are demonstrated by Kyrgyzstan (legalisation of "Islamic" banking principles) and Kazakhstan (the legislative integration of "sukuk" and "Islamic" instruments). 3. The best international practices in the integration of "Islamic" finance and banking (the UK – regulatory neutrality; Malaysia – centralised Shariah supervision; UAE – specialised hubs and regulatory sandboxes) demonstrates that the sustainable development of "Islamic" finance and "Islamic" FinTech is impossible without the targeted development of adapted regulatory and institutional frameworks.

Keywords:

"Islamic" finance, "Islamic" FinTech, "Islamic" bank, "Islamic" banking, partnership financing, legal experiment, regulatory sandbox, riba, maysir, sukuk, gharar, Shariah compliance

For citation:

Minnigulova D. B., Trysyachny V. I. Islamic finance within the legal framework of Russia and the Commonwealth of Independent States // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 143–159.

The article was submitted April 3, 2026;

approved after reviewing July 28, 2026;

accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Современное государство как общественный институт нацелено на динамическое развитие всех сфер своей деятельности, включая экономическую сферу, которая определяет в т. ч. процесс укрепления экономических и финансовых взаимосвязей России с другими государствами. Для эффективного межгосударственного взаимодействия осуществляется трансфер опыта, например, в сфере финансовых рынков. Одним из перспективных направлений отечественные предприниматели и инвесторы считают исламский банкинг.

В данной статье термины «исламские финансы», «исламский банкинг», «партнерское финансирование» авторы рассматривают как взаимозаменяемые, однако, учитывая замечание Г. Ф. Ручкиной о том, что в российском законодательстве сознательно используется термин «партнерское финансирование» для десакрализации института и дистанцирования от религиозной составляющей, что имеет важное правовое и политическое значение [1, с. 10]. Таким образом, необходимо учитывать, что в России законодательно закрепляются принципы «исламских

финансов», «исламского банкинга» через светскую правовую конструкцию «партнерское финансирование», которая функционально соответствует указанным «исламским» финансовым инструментам, но лишена религиозной составляющей.

Ключевой вызов интеграции «исламских» финансов в правовое поле России и стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) заключается в конфликте подходов, который, на первый взгляд, может показаться фундаментальным. «Исламская модель» управления финансами основана на этических и религиозных догмах, которые прямо противоречат основам традиционной финансовой системы.

Главное противоречие создает запрет на «рибу» (ростовщичество), т. е. на любые ссуды под проценты, в то время как вся классическая банковская система построена на «долговой модели» управления финансами – с получением процентов. Далее, требование отсутствия «гарара» (неопределенность, случайность или неясность в предмете договора или в отношении цены товара) и «майсира» (получение прибыли в результате случайного стечения обстоятельств) подразумевает, что все контракты должны быть абсолютно прозрачными, а риски – ясными и справедливо распределенными, что исключает использование многих распространенных спекулятивных инструментов и производных финансовых продуктов.

Дополнительным ограничением является запрет на финансирование любых запретных отраслей, таких как производство алкоголя, азартные игры или свиноводство, что сужает поле для инвестиций и требует создания специальных фильтров.

Наконец, принцип связи с реальными активами обязывает обеспечивать каждую финансовую операцию реальным активом или услугой, противореча практике виртуального кредитования и абстрактных финансовых обязательств. Таким образом, интеграция требует не простой адаптации, а создания практически параллельной правовой и финансовой инфраструктуры, что представляет собой сложнейшую законодательную и экономическую задачу.

В сентябре 2023 года вступил в силу Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 417-ФЗ), позволяющий начать в некоторых регионах Российской Федерации эксперимент по внедрению исламского банкинга². 31 июля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 337-ФЗ³ (далее – Федеральный закон № 337-ФЗ) о продлении его на следующие три года – до 1 сентября 2028 г. По словам председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку А. Г. Аксакова, в будущем к эксперименту могут присоединиться и другие субъекты, в частности, Крым и Чувашия. Сообщается также и о международном значении данных решений: «Развитие партнерского финансирования в нашей стране поможет расширить международное экономическое сотрудничество и привлечь дополнительные инвестиции из исламских государств»⁴.

Принятие Федерального закона № 337-ФЗ стало не просто пролонгацией эксперимента, а его качественной трансформацией. Если Федеральный закон № 417-ФЗ в 2023 году заложил лишь контуры специального регулирования партнерского (исламского) финансирования, то внесенные в 2025 году поправки ознаменовали переход к формированию полноценного и самостоятельного сектора финансового рынка. Значение Федерального закона № 337-ФЗ выходит далеко за рамки продления сроков и заключается в кардинальной смене парадигмы регулирования.

Правовые конструкции, закрепленные Федеральным законом № 417-ФЗ, фактически изолировали эксперимент, ограничивая его небанковскими игроками (микрофинансовые

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2023. № 32. Ст. 6149.

² В России с середины сентября или с октября заработает исламский банкинг // Информационное агентство ТАСС : [сетевое издание]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18628609> (дата обращения: 12.02.2025).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона «О рекламе» : Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 337-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4691.

⁴ Курносёнок Д. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования // РБК : [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/64d61d2a9a7947eb00acb24b?from=copy> (дата обращения: 12.02.2025).

организации, кооперативы, фонды), что создавало разрыв между халяльными продуктами и основной банковской инфраструктурой.

Федеральный закон № 417-ФЗ легализовал для участников-кредитных организаций такие операции, как открытие и ведение банковских счетов, переводы денег и управление ценными бумагами. Таким образом, российские банки теперь могут предлагать клиентам «исламский» текущий счет без ссудного процента и финансировать сделки через инструменты доверительного управления. Тем самым партнерское финансирование перестает быть экзотичным финансовым инструментом и встраивается в ядро национальной платежной и кредитной системы.

Одной из главных правовых коллизий был строгий запрет на проценты (риба) в условиях рыночной экономики. Федеральный закон № 337-ФЗ прямо разрешил использовать вознаграждение в виде переменной величины, значение которой изменяется в зависимости от условий договора. Это дает участникам эксперимента легальный «рычаг» для управления доходностью без нарушения принципов шариата. Фиксированный процент заменяется экономически обоснованной переменной маржой, что делает продукты гибкими и конкурентоспособными по сравнению с классическими кредитными продуктами, но при этом сохраняется их этическое догматический характер.

Ранее перечень оснований для отказа во включении в реестр участников был относительно стандартным (финансовые нарушения). Согласно Федеральному закону № 337-ФЗ, перечень расширен до 17 пунктов и включает новейшие блоки: наличие непогашенных санкционных ограничений, отнесение к «блокируемым лицам», статус иностранного агента или включение в реестр экстремистов. Это меняет смысл участия в эксперименте. Реестр теперь выполняет функцию не просто учетного регистра, а «фильтра доверия». Участие в эксперименте становится индикатором безупречной деловой репутации и низкого риска легализации доходов, полученных преступным путем, что повышает доверие со стороны консервативных инвесторов и международных партнеров из стран Организации исламского сотрудничества (Organisation of Islamic Cooperation, OIC) (далее – ОИС).

Наибольший интерес в Федеральном законе № 337-ФЗ в организационно-правовом смысле представляет введение ст. 12.1, учреждающей Комитет по стандартам партнерского финансирования. Ранее определяющая роль принадлежала исключительно Центральному Банку Российской Федерации (далее – Банк России или «регулятор»). Следует констатировать, что создан механизм «мягкого права», где ведущие участники рынка, отобранные по величине активов, получают право разрабатывать отраслевые стандарты, процедуры надзора и меры принуждения. Стандарты не требуют сложных административных процедур, но обязательны к исполнению и согласуются с Банком России. Указанный механизм позволяет развивать «исламское» финансирование не через законодательство, а посредством саморегулирования экспертным сообществом, что ускоряет адаптацию регуляторики к быстро меняющимся условиям рынка.

Также стоит отметить еще одно важное новшество Федерального закона № 337-ФЗ – появление требования указывать в рекламе номер из реестра Банка России (ст. 28 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»⁵). Это требование пресекает практику недобросовестных компаний, спекулирующих терминами «исламский», «этичный» или «партнерский» без наличия реального разрешения от регулятора. Для рынка это означает защиту репутационных рисков и создание цивилизованного маркетинга, где прозрачность становится ключевым конкурентным преимуществом.

По заявлению Банка России, «цель закона – сформировать более корректное и единообразное предоставление услуг партнерского финансирования, повысить прозрачность и привлекательность эксперимента, в том числе для иностранных инвесторов»⁶. Жизнеспособность закона уже не вызывает сомнений.

По информации Банка России на 26 июля 2026 г. насчитывается 37 действующих участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию⁷. Крупнейшие

⁵ О рекламе : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁶ Эксперимент по партнерскому финансированию продлен до сентября 2028 года // Банк России : [официальный сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=26807> (дата обращения: 12.10.2025).

⁷ Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию // Там же. URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 27.07.2026).

банки, такие как «АК Барс» Банк⁸, ВТБ⁹, Сбербанк¹⁰, Т-банк¹¹ и др., предлагают услуги «халяльного» финансирования. В ряде случаев данные услуги предоставляются в специализированных офисах¹².

Федеральный закон № 417-ФЗ в редакции Федерального закона № 337-ФЗ позволяет гражданам России, прежде всего исповедующим ислам, на законных основаниях пользоваться финансовыми услугами, которые полностью соответствуют догмам ислама и являются «халяльными». Его особенностью заключаются в том, что законодательно закреплена возможность получать денежные средства в кредитных организациях на покупку движимого и недвижимого имущества или открытие бизнеса, не нарушая рибы.

Вместо традиционных кредитов с процентами, которые в исламе неприемлемы, закон предлагает альтернативные возможности. Например, банк может выступить для клиента партнером в бизнесе и разделить с ним прибыль или убытки, либо сам купить нужный клиенту товар и продать его ему с четко оговоренной наценкой с рассрочкой, которая не растет со временем.

Это такие же модели, как «мушарака» (партнерство), «мударабаха» (доверительное финансирование) и «мурабаха» (финансирование по принципу «затраты плюс») [2, с. 142], которые давно используются в исламских странах. Важно и то, что финансовые организации по закону не имеют права финансировать запрещенные в исламе виды деятельности, такие как производство алкоголя, табака или азартные игры, так что мусульманин может быть спокоен, что его деньги не будут использоваться в данных видах предпринимательской деятельности.

Кроме того, закон специально разрешает использовать материнский капитал и другие меры государственной поддержки для расчетов по таким «исламским» договорам, что раньше не было закреплено на законодательном уровне. Начало эксперимента было положено в нескольких регионах с преобладающим мусульманским населением, таких как Татарстан, Дагестан, Башкортостан и Чечня. Данная новелла стала первым официальным шагом к созданию в России доступной финансовой системы, ориентированной на финансовые интересы граждан – мусульман и международных партнеров из стран исламской правовой семьи.

Данные законодательные новеллы стали предметом публикаций российских ученых. Т. Н. Мамедов и В. Д. Стельмах обозначили ключевые направления развития исламского банкинга в России в условиях глобальной геоэкономической нестабильности и определили перспективы внедрения исламских банков в российский банковский сектор в условиях санкционных ограничений. Г. Г. Дерзаева, П. А. Алеткин оценили вызовы теории и практики партнерского финансирования для стран СНГ и роль Исламского банка развития в преодолении таких вызовов. По их мнению, важнейшим вызовом является формирование программных продуктов, предназначенных для учета специфических особенностей операций по партнерскому финансированию, и, конечно же, просветительская деятельность [3]. Е. Е. Смирнов рассмотрел инвестиционную привлекательность партнерских финансовых инструментов, механизмы распределения рисков и доходности, налоговые и бухгалтерские аспекты учета подобных операций на примере кейсов пилотных проектов в Татарстане и Башкортостане [4, с. 8]. Е. А. Токмаков проанализировал исторические концепции исламского банкинга, связь между Федеральным законом № 417-ФЗ и потребностями импортозамещения, инфраструктурного развития, дал оценку потенциалу привлечения капитала из мусульманских стран [5, с. 102–103]. Г. Ф. Ручкина разграничивает понятия партнерского финансирования в Российской Федерации и исламского банкинга, основанного на шариате, определяет роль Банка России в надзоре и регулировании деятельности участников, освещает вопросы взаимодействия федерального законодательства с региональными особенностями субъектов – участников эксперимента [1, с. 10]. Д. В. Шахов выделяет предпосылки принятия Федерального закона № 417-ФЗ в условиях санкционного давления и высокой ключевой ставки Банка России, анализирует правовые пробелы в специальном

⁸ Исламская карта по нормам Шариата // «АК Барс» Банк : [сайт]. URL: <https://www.akbars.ru/individuals/cards/islam/> (дата обращения: 12.10.2025).

⁹ Этапы оформления сделки по договору Мурабаха // ВТБ : [сайт]. URL: <https://www.vtb.ru/articles/ipoteka/islamskaya-ipoteka-chto-eto-i-kak-vzyat/> (дата обращения: 12.10.2025).

¹⁰ Исламское финансирование. Продукты Сбербанка, соответствующие нормам Шариата // СберБанк : [сайт]. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp> (дата обращения: 12.10.2025).

¹¹ Инвестиционный счет по нормам исламского права // Т-Банк : [сайт]. URL: <https://www.tbank.ru/invest/promo/halal/> (дата обращения: 12.10.2025).

¹² Офисы исламского финансирования // СберБанк : [сайт]. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp#:~:text=%D0%9E%D1%84%D0%B8%D1%81%D1%8B%20%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 12.10.2025).

режиме партнерского финансирования, оценивает потенциал партнерского финансирования для привлечения капитала в инфраструктурные проекты [6, с. 55]. М. И. Филимонов детерминирует существенные признаки партнерского финансирования, его отличие от традиционных банковских инструментов, описывает этические и правовые основы данной модели и ее соответствие нормам Конституции Российской Федерации¹³, определяет перспективы развития данного института в многоконфессиональной России [7, с. 37].

Методы

В качестве методов исследования использовались контент-анализ (содержательный, формально-юридический анализ) федерального законодательства Российской Федерации, законодательства стран СНГ (Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан), нормативных актов зарубежных юрисдикций (Великобритания, Малайзия, ОАЭ), материалов судебной и аналитической практики, а также научной литературы по вопросам исламского финансирования и партнерского банкинга. Применялись данные официальных сайтов Банка России, Государственной Думы Российской Федерации, международных рейтинговых и аналитических агентств, информационные материалы исламских финансовых институтов. Использованы дескриптивный (описательный) и системный методы анализа данных для выявления правовых пробелов, регуляторных барьеров и моделей адаптации исламских финансов в различных правовых системах.

Обсуждение

Признавая прорывной характер Федерального закона № 417-ФЗ, необходимо отметить и ряд недостатков, которые обусловлены в первую очередь его региональным и экспериментальным статусом, создают ряд системных ограничений и имеют важные правовые пробелы.

1. Поскольку Федеральный закон № 417-ФЗ действует лишь в нескольких субъектах Российской Федерации (Татарстане, Дагестане, Башкортостане и Чечне), искусственно сужается территория его применения, препятствуя созданию единой национальной системы партнерского финансирования и не позволяя крупным банкам масштабировать продукты на всю страну без дополнительных юридических сложностей (однако это, конечно, оправдано в условиях экспериментального правового режима).

2. Еще одной проблемой можно назвать риск двойного налогообложения. Например, при операции «мурабаха» – покупке банком актива и последующей перепродажи клиенту с наценкой – сделка юридически признается двумя актами купли-продажи. Это может привести к необходимости уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС) дважды: при первоначальном приобретении банком имущества и при последующей продаже его клиенту. Федеральный закон № 417-ФЗ не вносит изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации¹⁴ (далее – НК РФ), не предоставляя специальных освобождений в подобных ситуациях, что делает операции дороже и административно сложнее по сравнению с классическими кредитными операциями.

3. Некоторую неясность на практике может вызывать отсутствие точных легальных дефиниций категорий исламского банкинга. Закон оперирует общим понятием «партнерское финансирование», но не дает четких юридических определений таким классическим «исламским» соглашениям, как «мурабаха», «мудараба», «истисна» или «сукук». Это вынуждает участников рынка «вписывать» их в существующие рамки Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁵ (далее – ГК РФ), как договор купли-продажи, простого товарищества, агентский договор и т. д., что не всегда точно отражает их суть и может создавать правовую неопределенность в случае судебных споров.

4. Кроме того, ряд проблем может быть обусловлен ограниченностью сферы проведения правового эксперимента. Поскольку он в первую очередь ориентирован на розничные продукты –

¹³ Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 04.10.2025).

¹⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 17.04.2026) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824 ; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

потребительское и ипотечное финансирование, а также малый бизнес. Вопросы выпуска и обращения сложных инструментов, таких как «исламские» облигации «сукук», или интеграции с цифровыми финансовыми активами, в рамках Федерального закона № 417-ФЗ проработаны слабо и остаются неурегулированными.

Действующая модель банкинга получила названия «исламских окон»¹⁶ [8, с. 51]. Фундаментальное различие между «исламскими окнами» и полноценными «исламскими» банками заключается не просто в наборе продуктов, а в самой архитектуре финансового института: «исламское окно» представляет собой пример адаптации российского законодательства для использования отдельных исламских финансовых продуктов. Так, российский банк, основная деятельность которого построена на процентных операциях (риба), создает специальный отдел, предлагающий несколько исламских финансовых продуктов.

Однако эта модель несет в себе системный конфликт интересов:

1. *Смещение капитала*: Деньгами вкладчиков «исламского окна» банк может косвенно пользоваться для финансирования процентных операций в других своих подразделениях.

2. *Гибридность продуктов*: на каждый финансовый продукт выпускается фетва – религиозно-правовое заключение или авторитетное разъяснение по вопросу исламского права (шариата), изданное признанным религиозным авторитетом – муфтием, которая означает соответствие требованиям шариата. Таким образом, у потребителя услуг нет сомнений в «халяльности» финансового инструмента.

3. *Культурный разрыв*: Менеджмент и система риск-менеджмента такого банка ориентированы на кредитную парадигму, а не на парадигму разделения рисков и партнерства.

Полноценный исламский банк – это институт, изначально созданный на принципах, запрещающих рибу, гарар и майсир. Вся его деятельность – от привлечения средств до финансирования – строится на реальных активах и партнерских договорах: мудараба, мушарака.

В ближайшие годы создание исламских банков будет невозможно в рамках действующего Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹⁷ (далее – Закон о банках) по следующим системным причинам:

1. *Конфликт дефиниций*. Закон определяет банк как кредитную организацию, основной целью которой является размещение привлеченных средств от своего имени и за свой счет на условиях платности, срочности и возвратности. Исламский банк по своей сути не является кредитной организацией – это, скорее, инвестиционно-торговый партнер, работающий на принципах участия в прибылях и убытках, а не на платности (процента).

2. *Несовместимость механизмов привлечения средств*. Классический банк привлекает деньги через вклады (депозиты), по которым он несет безусловное обязательство вернуть сумму и выплатить заранее известный процент. Исламский банк привлекает средства через инвестиционные счета, где вкладчики являются инвесторами, а доход не гарантирован и зависит от фактической прибыли от инвестиций. Действующее законодательство не содержит адекватных правовых конструкций для таких операций, что делает их крайне рискованными с точки зрения регулятора.

3. *Регуляторные барьеры*. Нормативы Банка России (достаточности капитала, ликвидности) разработаны для долговой финансовой модели банка. Их некорректно применять к банку, который не выдает кредиты, а является совладельцем активов и разделяет риски с клиентами. Это создает для исламского банка искусственные и несправедливые регуляторные барьеры.

Таким образом, Федеральный закон № 417-ФЗ, не меняя основ банковской системы, легализует лишь «надстройку» в виде «исламских окон». Для создания полноценных «исламских» банков требуется принятие отдельного закона или фундаментальных поправок, которые введут в правовое поле новый тип финансового института – «банк партнерского финансирования» с иными принципами деятельности, механизмами регулирования и надзора.

Похожим образом обстоят дела и в странах СНГ. За некоторым исключением (Казахстан, Азербайджан), практически отсутствует специализированное законодательство об исламском финансировании. Регулирование строится на адаптации существующих норм к исламским финансовым продуктам, что создает значительные сложности, и общую ситуацию можно охарактеризовать как «правовой вакуум» с точечными инициативами.

¹⁶ Что нужно знать об «исламских окнах» в банках // Информационное агентство ТАСС : [сетевое издание]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4980622> (дата обращения: 12.10.2025) ; Исламское окно // Элдик Банк : [сайт]. URL: https://eldik.kg/ru/page/islam-kreditovanie?for_who=legal (дата обращения: 12.10.2025).

¹⁷ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

Следует обратить особое внимание на такие аспекты применения исламских финансовых продуктов с использованием цифровых технологий, как краудфандинг, крипто-активы, цифровые финансовые активы, FinTech и т. п.

В России, например, в сфере краудфандинга – «P2P-кредитования» (от англ. peer-to-peer – «равный равному» или person-to-person – «человек человеку», это вид кредитования, при котором одно физическое лицо дает деньги в займы другому физическому лицу онлайн, на специальных интернет-платформах, без посредничества кредитных организаций или краудлендинга) и инвестиций – правовой основой является Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»¹⁸, который допускает две модели: предоставление займа и заключение договора по ценным бумагам.

Первая модель, предполагающая займы под проценты, для исламских финансов не подходит, а вторая может быть адаптирована через выпуск исламских ценных бумаг – «сукук», которые, однако, в российском праве не определены. На практике возможны попытки структурировать операции через договор простого товарищества – аналог «мударaba» или «мушарака», когда участники платформы объединяют средства для финансирования проекта и делят прибыль или убытки, но эта модель сложна с точки зрения налогообложения и защиты прав инвесторов.

Также возможен вариант использования договора купли-продажи с отсрочкой платежа – «мурабаха», когда платформа покупает актив для клиента и перепродает ему его с наценкой, что может быть квалифицировано как обычная торговая операция, но требует сложной юридической структуризации. В итоге регулятор пока не давал разъяснений по применению краудфандингового законодательства для исламских моделей, и отсутствие precedентов и ясных правил сдерживает их развитие.

Что касается криптоактивов, соответствующих шариату, то здесь правовой базой служит Федеральный закон «О цифровых финансовых активах»¹⁹, который определяет цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) как права, удостоверенные цифровым способом, и прямого запрета на создание «исламских» ЦФА нет. Адаптация требует решения ключевого вопроса о соответствии природы криптоактивов принципам шариата, таким как избегание «гарара», т. е. неопределенности, и «майсира» – азарта. Для создания «шариат-комплаенс» – системы внутреннего контроля, гарантирующей соблюдение норм шариата, ЦФА необходимо обеспечить его реальным активом, четко прописать в смарт-контракте все права и обязанности и пройти сертификацию от авторитетного шариатского комитета (получить фетву), чего в России пока нет. Таким образом, правовая база для ЦФА не запрещает исламские модели, но и не облегчает их создания, где основным барьером служит отсутствие допуска представителей мусульманской общины к сертификации ЦФА.

В области цифровых исламских банков правовая база представлена Законом о банках²⁰, который жестко регулирует деятельность кредитных организаций через проценты, вклады и т. д. Создание полноценного исламского банка в рамках текущего Закона о банках практически невозможно. Единственной работающей моделью является упомянутое ранее партнерское финансирование, при котором банки в рамках действующего законодательства создают «исламские окна» или продукты, имитирующие мударabu или мурабаху, однако эти продукты часто имеют гибридную природу и могут вызывать споры об их соответствии шариату.

Проведенный анализ международных моделей шариатского надзора позволяет выделить три основных подхода, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения применительно к российской правовой системе.

Малайзийская модель предполагает централизованный шариатский надзор при Центральном банке (Шариатский консультативный совет, SAC), который дает обязательные фетвы по вопросам исламского финансирования. Эта модель обеспечивает единообразие стандартов и их безусловную легитимность, однако прямое закрепление религиозного органа в структуре государственного регулятора вступает в противоречие со светским характером российского государства (ст. 14 Конституции Российской Федерации).

Модель ОАЭ строится на создании специализированных экономических зон и финансовых центров (Дубай, Абу-Даби), в рамках которых действуют собственные правила шариат-комплаенса и органы надзора. Данный подход демонстрирует высокую гибкость и адаптивность,

¹⁸ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

¹⁹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

²⁰ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

но он основан на исламском характере законодательства ОАЭ, что делает его прямую имплементацию в российских условиях невозможной.

Британская модель отличается регуляторной нейтральностью: Управление по финансовому регулированию и надзору (FCA) не создает специальных органов шариатского надзора, а применяет к исламским финансовым институтам те же правила, что и к традиционным. Соответствие нормам шариата подтверждается независимыми фетвами и внутренними шариатскими комитетами самих институтов. Такой подход полностью совместим со светским правопорядком, но не гарантирует единых стандартов, что может порождать фрагментацию и правовую неопределенность.

Для России как светского государства прямое заимствование любой из этих моделей сопряжено с конституционными рисками, в связи с чем российский законодатель избрал компромиссный путь, закрепив в Федеральном законе № 337-ФЗ создание Комитета по стандартам партнерского финансирования (ст. 12.1). Комитет формируется при ассоциации кредитных организаций, в состав которой входят участники эксперимента с наибольшей совокупной стоимостью активов по состоянию на 1 сентября 2025 года. Комитет разрабатывает стандарты партнерского финансирования, которые подлежат согласованию с Банком России, но не требуют государственной регистрации. Важно подчеркнуть, что указанные стандарты не являются религиозными фетвами – они представляют собой «дополнительные требования» к деятельности участников, которые не должны противоречить законодательству Российской Федерации и нормативным актам Банка России. Тем самым достигается исключение прямого религиозного элемента из механизма регуляторного надзора, что соответствует светскому характеру Российского государства.

Указанная модель имеет ряд преимуществ. Во-первых, она обеспечивает единообразие требований к участникам эксперимента без создания отдельного государственного органа. Во-вторых, разработка стандартов ведущими участниками рынка гарантирует их практическую применимость и учет реальных экономических процессов. В-третьих, согласование стандартов с Банком России позволяет встроить их в общую систему банковского регулирования. В-четвертых, отсутствие государственной регистрации ускоряет процесс адаптации таких стандартов к изменяющимся рыночным условиям.

Вместе с тем сохраняются определенные вызовы. Поскольку Комитет по стандартам не включает в свой состав религиозных авторитетов, возникает вопрос о допустимости разработанных стандартов с точки зрения шариата. Этот вопрос особенно актуален для привлечения инвестиций из стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии, где наличие авторитетной фетвы является обязательным условием для признания продукта «халяльным». Возможным решением могло бы стать взаимодействие Комитета с уже существующими шариатскими комитетами при духовных управлениях мусульман (далее – ДУМ) России (например, с Шариатским комитетом по исламским финансам при ДУМ Республики Татарстан) на договорной основе, без включения этих органов в систему государственного регулирования. Такое взаимодействие позволило бы сочетать светский характер регулирования с религиозной допустимостью финансовых продуктов, сохраняя при этом конституционный принцип светского государства.

Таким образом, модель, закрепленная в Федеральном законе № 337-ФЗ, представляет собой сбалансированный законодательный ответ на вызовы институционализации шариатского надзора в российской правовой системе. Она сочетает элементы саморегулирования (по британскому образцу) с элементами централизованной разработки стандартов (по малайзийскому образцу), но при этом адаптирована к светскому характеру Российского государства и не создает противоречий с конституционными нормами. Дальнейшее развитие этой модели может идти по пути формализации взаимодействия Комитета с религиозными организациями для обеспечения шариатской допустимости стандартов без ущерба для светского статуса Российской Федерации.

Для демонстрации конкретных способов адаптации исламских финансовых инструментов к российскому правовому режиму целесообразно обратиться к практическим кейсам банков – участников эксперимента. В настоящем исследовании анализируются три типа продуктов, охватывающих розничный, инвестиционный и корпоративный сегменты: ипотека по модели «мурабаха», халяльный инвестиционный счет и корпоративное финансирование по модели «мурабаха».

Правовая конструкция ипотечного продукта, предлагаемого «Ак Барс» Банком (проект «Исламская ипотека», действует с 2019 года) и Сбербанком («Ипотека Мурабаха»), включает следующие этапы. На первом этапе клиент выбирает объект недвижимости и обращается в банк. На втором этапе банк (или его дочернее общество) приобретает данный объект у продавца за

счет собственных средств. На третьем этапе банк перепродает объект клиенту с фиксированной наценкой, предоставляя рассрочку платежа²¹. В Сбербанке продукт доступен на сумму от 300 тыс. до 100 млн руб. сроком до 20 лет с минимальным первоначальным взносом от 20 %²². «Ак Барс» Банк предлагает первоначальный взнос от 10 до 80% и срок до 30 лет²³.

Юридически сделка оформляется не как кредитный договор, а как договор купли-продажи с рассрочкой платежа (гл. 30 ГК РФ). Наценка банка является фиксированной величиной на весь срок договора, что исключает ее квалификацию в качестве процентной ставки (риба) и соответствует нормам шариата²⁴. Продукт сертифицирован Шариатским консультационным советом и разработан с учетом стандартов Организации по учету и аудиту в исламских финансовых учреждениях (AAOIFI)²⁵. Существенной особенностью договора является отсутствие пеней за просрочку платежа, поскольку исламское право запрещает извлечение выгоды из долгового обязательства (принцип, описанный Е. А. Исаевой [2, с. 142]).

В налоговом аспекте сделка порождает потенциальный риск двойного обложения налогом на добавленную стоимость (НДС), поскольку юридически представляет собой два последовательных акта купли-продажи. Министерство финансов Российской Федерации в письме от 9 апреля 2025 г. № 03-07-07/34989 разъяснило, что средства, получаемые банком за предоставление отсрочки (рассрочки) оплаты товаров в рамках партнерского финансирования, не подлежат обложению НДС, если такая операция квалифицируется как коммерческий кредит в соответствии со ст. 823 ГК РФ²⁶.

Однако данное разъяснение не обладает силой закона и не устраняет системной правовой неопределенности, поскольку соответствующие изменения в НК РФ не внесены. Как отмечает Д. В. Шахов [6, с. 55], отсутствие прямых налоговых льгот создает дополнительные издержки для участников эксперимента.

В 2024 году Т-Банк (ранее – «Тинькофф») запустил первый в России халяльный брокерский счет²⁷. Юридически данный продукт представляет собой стандартный брокерский договор (гл. 53 ГК РФ), дополненный внутренними программными фильтрами, которые блокируют совершение операций с инструментами, не соответствующими нормам ислама. К таким инструментам относятся: облигации (как процентные – риба), фьючерсы и опционы (как спекулятивные – гарар и майсир), а также привилегированные акции²⁸. Инвестиционный портфель формируется исключительно из акций компаний, прошедших шариатский скрининг на соответствие критериям исламской этики²⁹.

Продукт сертифицирован Советом улемов ДУМ Республики Татарстан и имеет сертификат соответствия, выданный ДУМ Чеченской Республики³⁰. Открытие счета возможно только для держателей исламской дебетовой карты Т-Банка.

Примечательно, что данная правовая конструкция не требует внесения изменений в федеральное законодательство. Она основана на принципе регуляторной нейтральности по аналогии с британским подходом, описанным в зарубежных исследованиях [9, с. 83], когда соответствие шариату обеспечивается на уровне внутренних регламентов финансового института и добровольной сертификации со стороны религиозных органов, без внесения поправок в базовые законы.

В ноябре 2024 года «Ак Барс» Банк стал первым российским банком, предложившим корпоративным клиентам (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям) финансирование

²¹ Исламская ипотека // «Ак Барс» Банк : [сайт]. URL: <https://www.akbars.ru/individuals/cards/islam/> (дата обращения: 27.07.2026).

²² Исламская ипотека «Мурабаха»: условия // Сбербанк : [сайт]. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp> (раздел «Ипотека Мурабаха») (дата обращения: 27.07.2026).

²³ URL: <https://www.akbars.ru/individuals/cards/islam/> (дата обращения: 27.07.2026).

²⁴ URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/islamic-banking?tab=vsp> (раздел «Ипотека Мурабаха») (дата обращения: 27.07.2026).

²⁵ Там же.

²⁶ Письмо Департамента налоговой политики Министерства финансов Российской Федерации от 9 апреля 2025 г. № 03-07-07/34989 «О применении НДС в отношении сумм денежных средств, получаемых банком от клиента за предоставление отсрочки или рассрочки по оплате товаров (работ, услуг), реализуемых в рамках деятельности по партнерскому финансированию» // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=494920> (дата обращения: 27.07.2026).

²⁷ Халяльный инвестиционный счет // Т-Банк : [сайт]. URL: <https://www.tbank.ru/invest/promo/halal/> (дата обращения: 27.07.2026).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

по модели «мурабаха»³¹. Между банком и клиентом заключается договор, в соответствии с которым банк приобретает для клиента оборотные и внеоборотные активы (товарно-материальные ценности, оборудование, транспортные средства, недвижимость) и перепродает их с фиксированной наценкой. Минимальная сумма финансирования – 1 млн руб., максимальная доля финансирования – 90 % стоимости актива, срок – до пяти лет³².

Продукт получил фетву (официальное разрешение) Совета улемов ДУМ РТ, а для последующего шариатского аудита был назначен шариатский контролер³³. Помимо мурабахи, банк разработал для бизнеса сопутствующие продукты: расчетный счет, корпоративную карту с халальным кешбэком, торговый эквайринг, факторинг, проектное финансирование и лизинг (иджара)³⁴.

Данный кейс демонстрирует возможность структурирования исламских продуктов через договоры купли-продажи (мурабаха), аренды с последующим выкупом (иджара) или простого товарищества (мушарака) без внесения изменений в ГК РФ. Однако отсутствие легальных дефиниций указанных институтов в российском праве создает риск судебной квалификации сделок исключительно по нормам ГК РФ, что может не учитывать их исламскую природу и особенности распределения рисков, заложенные в договорных конструкциях. Как подчеркивает Г. Ф. Ручкина [1, с. 10], десакрализация терминологии через конструкцию «партнерское финансирование» хотя и снимает политические риски, но порождает правовую неопределенность в части квалификации договоров.

По состоянию на 27 июля 2026 г., по данным Банка России, в эксперименте участвуют 37 организаций³⁵. Портфель продуктов партнерского финансирования Сбербанка составляет 5,6 млрд руб., общее количество заключенных контрактов превышает 180 тыс., а доля новых клиентов достигает 49 % (почти 86 тыс. человек)³⁶. За период с начала 2025 года эмитировано 34,7 тыс. исламских дебетовых карт³⁷. Приведенные показатели свидетельствуют о наличии устойчивого спроса, однако одновременно выявляют сохраняющиеся правовые барьеры: отсутствие законодательных дефиниций исламских финансовых инструментов [7, с. 37], риск двойного налогообложения, а также зависимость от ведомственных разъяснений, не имеющих нормативной силы. Указанные проблемы требуют системного законодательного решения, включая внесение поправок в НК РФ и ГК РФ, что позволит снизить правовые риски для участников рынка и повысить инвестиционную привлекательность сектора для партнеров из стран исламской правовой семьи [5, с. 102–103].

Для объективной оценки места России в глобальной архитектуре исламских финансов с учетом изменения законодательства в исследуемой сфере целесообразно обратиться к количественным показателям, характеризующим как мировой рынок в целом, так и положение отдельных юрисдикций на нем. По данным отчета Islamic Finance Development Indicator (IFDI) за 2025 год, подготовленного London Stock Exchange Group (LSEG) и Islamic Corporation for the Development of the Private Sector (ICD), глобальные активы исламского финансирования прогнозируются на уровне 9,7 трлн долл. США к 2029 году со среднегодовым темпом роста 10 %³⁸. Мировой рынок исламских финансов уже сегодня составляет 5 трлн долл. США³⁹.

В рейтинге IFDI 2025 года, охватывающем 140 стран, Малайзия сохраняет лидирующую позицию, за ней следуют Саудовская Аравия и ОАЭ⁴⁰. Индекс представляет собой композитный взвешенный показатель, оценивающий развитие исламских финансов по пяти ключевым направлениям: финансовые показатели, управление, устойчивость, осведомленность и знания⁴¹.

³¹ «Ак Барс» Банк запустил мурабаху // Информационное агентство «Банки.ру» : [сетевое издание]. URL: https://pinba.prod.banki.ru/news/akbars/islamic_murabaha_141124/ (дата обращения: 27.07.2026).

³² «Ак Барс» Банк запустил исламское финансирование Мурабаха для бизнеса // Духовное управление мусульман Республики Татарстан : [сайт]. URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_31233.html (дата обращения: 27.07.2026).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 27.07.2026).

³⁶ Развитие партнерского финансирования – дополнительный драйвер для бизнеса // Вести Чеченской Республики : [сетевое издание]. URL: <https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/> (дата обращения: 27.07.2026).

³⁷ Там же.

³⁸ LSEG (London Stock Exchange Group) & ICD (Islamic Corporation for the Development of the Private Sector). Islamic Finance Development Indicator (IFDI) 2025 Report // LSEG : [websit]. URL: <https://lseg.group/IFDI2025> (дата обращения: 27.07.2026).

³⁹ Новостной источник со ссылкой на данные LSEG (URL: <https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/>) (прим авт.).

⁴⁰ URL: <https://lseg.group/IFDI2025> (дата обращения: 27.07.2026).

⁴¹ Там же.

Количественные показатели рынка стран СНГ также свидетельствуют о неравномерности развития. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР) на 1 января 2025 года, исламские банковские активы Казахстана составили 621 млн долл. США, что составляет 89 % от общего объема исламских активов в Центральной Азии⁴² [9, с. 6–7]. При этом доля исламского банкинга в Казахстане составляет менее 1 % от активов всей банковской системы страны, что указывает на значительный потенциал роста [9, с. 8–9].

По прогнозам ЕАБР, объем исламского банкинга в Казахстане достигнет 1,2 млрд долл. США к 2028 году и 3,3 млрд долл. США к 2033 году [9, с. 10]. В Кыргызстане, где законодательно закреплены исламские принципы банковского дела, на конец 2025 года работают три профильных банка с активами в 600 млн долл. США, а рост сектора в 2025 году составил 125 %, достигнув объема в 264 млн долл. США [9, с. 12–13].

В Турции, которую также можно рассматривать как референтную юрисдикцию для стран СНГ, исламский банкинг по состоянию на начало 2026 года составляет 9,2 % от общей банковской системы⁴³, а в качестве целевого показателя заявлено увеличение этой доли до 15 %⁴⁴.

Что касается России, то Банк России в рамках мониторинга эксперимента по партнерскому финансированию проводит ежеквартальное анкетирование участников, оценивая ход и динамику эксперимента, общий объем и структуру операций⁴⁵. По итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года, в котором приняли участие 26 компаний (20 из которых состояли в реестре участников эксперимента), портфель операций по размещению средств составил 2,8 млрд руб., увеличившись за 9 месяцев 2024 года на 56 %⁴⁶.

Портфель операций по привлечению средств достиг 3,8 млрд руб. Наибольшая доля операций по размещению средств (43 %) приходится на договоры купли-продажи с рассрочкой платежа (модель «мурабаха»). Количество участников эксперимента по состоянию на конец 2024 года составило 24 компании, увеличившись более чем втрое с конца 2023 года (на 31 декабря 2023 года в реестре числилось семь организаций)⁴⁷. На 27 июля 2026 года, по данным реестра Банка России, в эксперименте участвуют 37 организаций⁴⁸.

По данным на 30 сентября 2025 года наибольший объем операций партнерского финансирования реализуется на территории Республики Татарстан⁴⁹. В Татарстане за 2025 год объем сделок партнерского финансирования превысил 2 млрд руб.⁵⁰ По информации Министерства экономики Республики Татарстан в регионе в 2025 году объем привлеченных средств по программам партнерского финансирования увеличился в шесть раз и составил 34,9 млрд руб. (для сравнения, в 2024 году портфель сделок по привлечению средств вырос более чем в 2,5 раза)⁵¹.

Общий портфель операций по размещению средств в январе–сентябре 2025 года увеличился на 16 % и составил 3,6 млрд руб., а по привлечению средств вырос на 41 %, достигнув 6,3 млрд руб.⁵² За 2025 год в Татарстане оформлено более 14 тыс. продуктов, соответствующих принципам исламского банкинга; количество сделок по сравнению с 2024 годом выросло более чем в два раза, а общий объем привлеченного финансирования на текущие счета, соответствующие правилам исламского финансирования, увеличился в 1,2 раза – до 458 млн руб.⁵³

Приведенные статистические данные подтверждают тезис о том, что Россия и большинство стран СНГ находятся на начальной стадии развития исламских финансов и исламского банкинга. Качественный разрыв между Россией и Казахстаном, зафиксированный в индексе IFDI, наглядно иллюстрирует последствия отсутствия системной правовой интеграции исламских финансовых инструментов. В то же время динамика роста операций в рамках российского эксперимента – увеличение портфеля размещения на 56 % за 9 месяцев 2024 года, рост числа

⁴² Participation Banking in Türkiye: Current State and Development Prospects // Investment Office of the Presidency of the Republic of Türkiye : [websites]. URL: <https://www.invest.gov.tr/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁴³ Islamic banks' market share in Türkiye rises to 9.2 %: Fitch Ratings // Arab News : [websites]. URL: <https://www.arabnews.pk/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁴⁴ URL: <https://www.invest.gov.tr/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁴⁵ Обзор рынка партнерского финансирования по итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года // Банк России : [официальный сайт]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/ (дата обращения: 27.07.2026).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ URL: https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/Part_fin/ (дата обращения: 27.07.2026).

⁴⁹ URL: <https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

участников более чем втрое, а также значительные объемы сделок в Татарстане – свидетельствуют о наличии устойчивого спроса и потенциале для дальнейшего развития при условии устранения выявленных правовых барьеров.

Важнейшим элементом инфраструктуры глобального рынка исламских финансов являются международные стандарты, разрабатываемые специализированными организациями. Две ключевые институты – AAOIFI (Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions) и IFSB (Islamic Financial Services Board) – формируют общепризнанные ориентиры для регулирования, учета, аудита и пруденциального надзора в исламском финансовом секторе.

AAOIFI (Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых институтов), зарегистрированная в Бахрейне, является ведущим международным стандартоустанавливающим органом в области исламских финансов. Организацией выпущено в общей сложности 117 стандартов и технических положений, включающих 59 шариатских стандартов, 33 стандарта бухгалтерского учета, восемь стандартов аудита, три кодекса этики и 14 стандартов корпоративного управления⁵⁴.

Стандарты AAOIFI приняты в качестве обязательных или частично обязательных регуляторных требований в таких юрисдикциях, как Бахрейн, Иордания, Кыргызская Республика, Маврикий, Нигерия, Катар, Оман, Пакистан, Судан и Сирия⁵⁵. В Российской Федерации стандарты AAOIFI признаются на уровне экспертного и академического сообщества: в учебных пособиях представлен обзор стандартов AAOIFI по управлению деятельностью исламскими финансовыми учреждениями⁵⁶, а специалисты, сертифицированные по стандартам AAOIFI, участвуют в экспертной оценке продуктов партнерского финансирования⁵⁷.

IFSB (Совет исламских финансовых услуг) – международная организация, разрабатывающая глобальные пруденциальные стандарты и руководящие принципы для исламской финансовой индустрии, охватывающей банковский сектор, рынки капитала и страхование (такафул)⁵⁸. В число разработанных IFSB документов входят: пересмотренные Руководящие принципы корпоративного управления для институтов, предлагающих исламские финансовые услуги (банковский сегмент); стандарт раскрытия информации для обеспечения прозрачности и рыночной дисциплины⁵⁹; Основные принципы регулирования исламских финансов (для сектора исламского рынка капитала)⁶⁰. Пруденциальная основа для исламских банковских фирм базируется на стандартах и руководящих принципах IFSB по достаточности капитала, Базельских соглашениях и Базельских основных принципах эффективного банковского надзора⁶¹. IFSB также разрабатывает руководства по управлению рисками – всего 15 принципов для исламской финансовой индустрии⁶².

Для России обращение к стандартам AAOIFI и IFSB имеет как практическое, так и символическое значение. Включение ссылок на эти стандарты в российское регулирование позволило бы повысить доверие международных инвесторов из стран – членов данных международных организаций.

В этом контексте создание Комитета по стандартам партнерского финансирования в рамках Федерального закона № 337-ФЗ может рассматриваться как первый шаг к гармонизации российского регулирования с международными стандартами, однако для полноценной интеграции требуется более системная работа по имплементации положений AAOIFI и IFSB в национальное законодательство.

⁵⁴ Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions (AAOIFI) // Accounting, Auditing and Governance Standards : [website]. URL: <https://aaoifi.com/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁵⁵ AAOIFI Standards: Adoption and Implementation // Там же. URL: <https://aaoifi.com/adoption-of-aaoifi-standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁵⁶ Shari'ah Standards (59 standards), Accounting Standards (33 standards), Auditing Standards (8 standards), Codes of Ethics (3 standards), Governance Standards (14 standards) // Там же. URL: <https://aaoifi.com/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁵⁷ URL: <https://vesti095.ru/2026/05/razvitie-partnyorskogo-finansirovaniya-dopolnitelnyj-drajver-dlya-biznesa/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁵⁸ Revised Guiding Principles on Corporate Governance for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) // Islamic Financial Services Board (IFSB) : [website]. URL: <https://www.ifsb.org/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁵⁹ Standard on Disclosures to Promote Transparency and Market Discipline for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) (IFSB-22) // Там же. URL: <https://www.ifsb.org/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁶⁰ Guiding Principles of Risk Management for Institutions Offering Islamic Financial Services // Там же. URL: <https://www.ifsb.org/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁶¹ Prudential Framework for Islamic Banking Business Firms // Там же. URL: <https://www.ifsb.org/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

⁶² URL: <https://www.ifsb.org/standards/> (дата обращения: 27.07.2026).

Результаты

Решение обозначенных коллизий может заключаться либо в поправках в банковское законодательство, создающих отдельный класс «некредитных финансовых организаций, работающих по нормам исламских финансов», либо эксперимент по созданию такой площадки в рамках Банка России по аналогии с «регуляторными песочницами»⁶³.

Ситуация в странах СНГ схожа, но в некоторых из них, таких как Казахстан⁶⁴, Азербайджан [10, с. 187; 11, с. 96] и Кыргызстан [12, с. 67; 13, с. 89] наблюдается более активное движение. В Казахстане, самом продвинутом в этом отношении, в 2021 году был принят закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам страхования и исламского финансирования»⁶⁵, что позволяет легализовать исламские финансовые институты, включая выпуск сукук, и создает потенциал для развития FinTech на этой базе.

Азербайджан также предпринимает шаги по развитию исламских финансов, включая выпуск облигаций «сукук» (это ценная бумага, обеспечивающая долевое участие в активе или проекте). В Кыргызстане еще в 11 августа 2022 г. был принят закон «О банках и банковской деятельности», ст. 4 которого – «Исламские принципы банковского дела и финансирования» – закрепляет положение о том, что «в Кыргызской Республике, наряду с традиционным банковским делом и кредитованием, применяются исламские принципы банковского дела и финансирования»⁶⁶, кроме того, дается дефиниция исламских принципов банковского дела и финансирования, в соответствии с которой под ними понимаются «принципы и правила осуществления банковских операций и сделок в соответствии со стандартами Шариата»⁶⁷.

В свою очередь под стандартами шариата понимается «совокупность правил осуществления экономической или иной деятельности, разработанных и утвержденных международными организациями, устанавливающими стандарты ведения исламского банковского дела (Организация бухгалтерского учета и аудита для исламских финансовых институтов, Совет исламских финансовых услуг)»⁶⁸.

Несмотря на отдельные успехи, рассмотренные модели можно назвать переходными. В связи с этим интерес для исследования могут представлять решения, принятые в странах, успешно адаптировавших системы исламского финансирования. К таковым можно отнести Великобританию, Малайзию и ОАЭ.

Выбор Великобритании обусловлен особенной моделью «регуляторной нейтральности» и ролью технологического хаба в мире FinTech. Отдельное законодательство об исламских финансах государство не принимало. Вместо этого Управление по финансовому регулированию и надзору (далее – FCA) адаптировало существующие правила для банков и управляющих компаний, сделав их религиозно-нейтральными, что позволило исламским продуктам конкурировать с традиционными.

В сфере краудфандинга такие платформы, как Qardus⁶⁹, работают в рамках общего регулирования FCA, структурируя продукты как инвестиции в бизнес или продажу активов, что соответствует шариату. Что касается криптоактивов, Лондон как центр FinTech активно изучает инновации. Исламские криптопроекты могут проходить стандартную процедуру одобрения при доказательстве своей надежности, включая развитие направления «сукук на блокчейне», которое с мая 2024 года впервые заработало в России⁷⁰.

Появление цифровых «банков-неофитов» открыло дорогу и для исламских проектов, которые лицензируются как обычные банки, но с особыми бизнес-моделями. Ключевым фактором успеха здесь может стать гибкость регулятора, его ориентация на принципы, а не на правила.

⁶³ Что такое «регуляторные песочницы» и как они помогут бизнесу // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/49285/> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶⁴ Исламское финансирование в Казахстане // Ассоциация исламских финансов и бизнеса Казахстана : [сайт]. URL: <https://aifb.kz/tpost/xbhe9iepf1-islamское-finansirovanie-v-kazahstane> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶⁵ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам страхования и исламского финансирования : Закон Республики Казахстан от 27 апреля 2015 года № 311-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан : [официальный сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000311> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶⁶ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000311> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Top 4 FinTechs Pioneering Sharia-Compliant Investments in the UK // Halal Times : [website]. URL: <https://www.halaltimes.com/top-4-fintechs-pioneering-sharia-compliant-investments-in-the-uk/> (дата обращения: 12.10.2025).

⁷⁰ Первый выпуск цифрового сукука в России // ЦФА. РФ ^ [сайт]. URL: <https://xn--80a3bf.xn--plai/pervyj-vypusk-cifrovogo-sukuka-v-rossii.html> (дата обращения: 12.10.2025).

В свою очередь Малайзия представляет модель централизованного регулирования и эталона шариатского комплаенса⁷¹. Здесь создана всеобъемлющая правовая и регуляторная экосистема для исламских финансов. Регуляторы выпускают детальные руководства для каждого сегмента. В краудфандинге действует отдельный регламент для платформ, включая исламские, при этом все продукты должны получить одобрение шариатского совета при регуляторе.

В сфере криптоактивов Малайзия одной из первых выпустила исламские стандарты [14, с. 119], позволяя сертифицировать цифровые активы как соответствующие шариату и четко определяя допустимые типы активов и структуры. В 2025 году Управление финансовых услуг Лабуана выдало компании Fasset временную лицензию на открытие первого исламского цифрового банка на основе стейблкоинов⁷². Одобрение позволяет FinTech-компаниям из Дубая предоставлять услуги, соответствующие шариату, в регулируемой среде sandbox (регуляторные песочницы)⁷³. Ключевые факторы малайской модели успеха – значительное государственное участие, глубокая интеграция шариатского надзора в работу регулятора и стремление стать мировым эталоном.

Являясь исламской монархией, Объединенные Арабские Эмираты, особенно в лице эмиратов Дубая и Абу-Даби, используют модель создания специализированных зон и хабов. По мнению коллектива авторов из Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, стратегия развития FinTech в ОАЭ опирается на несколько ключевых столпов: «Прежде всего в стране сформирована прогрессивная нормативно-правовая база, обеспечивающая оптимальные условия для функционирования FinTech-компаний. Регуляторы финансового рынка ОАЭ, такие как Центральный банк, Управление по ценным бумагам и биржевым товарам, Управление финансовых услуг Дубая, применяют гибкие и адаптивные подходы к регулированию FinTech, основанные на принципах пропорциональности и открытости к инновациям» [15, с. 240]. Как отмечает малазийский исследователь Тхонг Минг Сен, «современные технологии, в частности, блокчейн, способны решить фундаментальные операционные проблемы исламских финансовых институтов, включая вопросы несоответствия шариату» [9, с. 83].

Стоит также отметить, что государством формируется особая регуляторная среда в рамках специальных экономических зон. В таких зонах активно внедряются правила для FinTech, включая исламские модели, через свою «регулятивную песочницу». Аналогично работает финансовый центр Абу-Даби.

В сфере криптоактивов ОАЭ создали прогрессивное регулирование, позволяющее легко запускать проекты по выпуску исламских цифровых активов после получения лицензий и шариатской сертификации от местных органов. В ОАЭ также появились первые в мире полноценные цифровые исламские банки, работающие по лицензии центрального банка. Ключевым фактором успеха является создание конкурирующих юрисдикций с гибкими современными правилами, привлекающими международный капитал и таланты.

Отталкиваясь от полученных данных, можно отметить, что Россия и большинство стран СНГ действительно находятся на начальной стадии развития исламских финансов, в частности, такого их современного ответвления, как исламский FinTech. Ключевой проблемой здесь является не столько нехватка технологий или капитала, сколько отсутствие четких и адаптированных регуляторных и институциональных рамок.

Существующие финансовые законодательства в этих странах были созданы под классическую, процентную (ростовщическую) модель экономики, что создает непреодолимые барьеры для функционирования инструментов, основанных на принципах шариата, которые запрещают процентный доход и спекуляцию, требуя обеспечения всех операций реальными активами и разделения рисков. Без целенаправленных усилий по изменению этой среды исламский FinTech обречен оставаться нишевым явлением, развивающимся фрагментарно и в правовой «серой зоне», что сдерживает инвестиции и не позволяет в полной мере обслуживать значительную часть мусульманского населения, заинтересованную в получении финансовых услуг, соответствующих их этическим и религиозным убеждениям.

⁷¹ Шариатский комплаенс (Shariah Compliance) – это система контроля и оценки, обеспечивающая соответствие всех финансовых продуктов и операций требованиям исламского права (шариата). Это гарантирует, что все финансовые действия проводятся так, чтобы соответствовать этическим, моральным и юридическим стандартам, установленным исламскими учениями (прим. авт.).

⁷² Малайзия одобрила первый исламский цифровой банк на основе стейблкоинов // Fusion Media Limited (Investing.com) : [сайт]. URL: <https://ru.investing.com/news/cryptocurrency-news/article-2939049> (дата обращения: 02.03.2026).

⁷³ Регуляторная песочница (Regulatory Sandbox) – это специальный правовой режим, который создает безопасную среду для тестирования инновационных бизнес-моделей, продуктов и услуг. Участники получают возможность апробировать свои разработки в реальных условиях, но без действия некоторых жестких законодательных ограничений. Это не означает полное отсутствие правил, а скорее их адаптацию под специфику эксперимента (прим. авт.).

Выводы

Первоочередным и фундаментальным шагом являются разработка и внедрение специальных законодательных инициатив. Речь идет о внесении в банковское, валютное, налоговое и гражданское законодательство системных поправок, которые бы легализовали, определили и прописали правовой статус ключевых исламских финансовых продуктов.

Наиболее показателен в этом контексте опыт Казахстана, где была проделана значительная работа по интеграции исламских финансов в национальную систему. Необходимо дать юридические определения таким контрактам, как «мурабаха» (продажа актива с наценкой, известной обеим сторонам), «мудароба» (партнерство, где одна сторона предоставляет капитал, а другая – управление и экспертизу), «истисна» (финансирование производства) и «сукук» (исламские облигации, удостоверяющие долю в активе, а не долговое обязательство). Без этого даже самые простые операции требуют сложных и не всегда правомерных юридических конструкций, что повышает издержки и риски для всех участников рынка.

Параллельно с изменением законов крайне полезным инструментом для апробации инновационных моделей могло бы стать создание так называемой «регуляторной песочницы» (regulatory sandbox) при Банке России и подобных регуляторах стран СНГ. Этот механизм позволил бы исламским FinTech-стартапам и финансовым институтам работать в контролируемом пространстве с временными послаблениями в соблюдении некоторых нормативных требований.

В такой среде регулятор мог бы в режиме реального времени наблюдать за работой платформ, тестировать различные бизнес-модели, оценивать возникающие риски и на основе полученного практического опыта вырабатывать оптимальные и сбалансированные правила, которые впоследствии можно было бы применить ко всей финансовой системе. Это снизило бы регуляторную неопределенность и дало импульс для технологических инноваций в исламском финансовом секторе.

Важнейшим элементом для построения доверия как со стороны местных мусульманских сообществ, так и международных инвесторов является развитие собственного, авторитетного шариатского надзора. Для этого необходимо создать признанный на международном уровне шариатский совет или комитет, который мог бы функционировать при национальной ассоциации банков или при самом финансовом регуляторе.

В задачи этого органа входила бы независимая экспертиза и сертификация всех предлагаемых на рынке финансовых продуктов на предмет их соответствия нормам ислама (выдача фетвы), а также разработка единых стандартов для всей отрасли. Наличие сильного и уважаемого шариатского надзора является краеугольным камнем исламских финансов, т. к. гарантирует потребителям, что их деньги используются в соответствии с их вероубеждениями, и защищает репутацию самого рынка.

При этом критически важно активно развивать международное сотрудничество и перенимать уже накопленный мировой опыт. Традиционно ориентируются на такие признанные центры, как Малайзия и ОАЭ, где исламские финансы глубоко интегрированы в экономику. Однако не менее ценным является опыт Великобритании, которая, не будучи мусульманской страной, сумела создать одну из самых развитых в западном мире экосистем для исламских финансов.

Британский подход доказал, что для успешной интеграции не обязательно создавать полностью параллельную и отдельную правовую систему; во многих случаях достаточно внедрения принципа «нейтральности», когда налогообложение и регулирование уравнивают традиционные и исламские финансовые продукты, не создавая для последних дискриминационных или, наоборот, излишне льготных условий.

Такой прагматичный путь может быть особенно актуален для светских государств с разнородным населением, таких как Россия и страны СНГ. Без реализации этих комплексных шагов потенциал исламского FinTech как инструмента для привлечения инвестиций из стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии и для обеспечения финансовой инклюзии миллионов граждан останется нераскрытым, а его развитие будет носить стихийный и неустойчивый характер.

Список источников

1. Ручкина Г. Ф. Партнерское финансирование в России: проведение эксперимента по установлению специального регулирования // *Банковское право*. 2024. № 1. С. 7–13. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-1-7-13>
2. Исаева Е. А. Исламский банкинг: основные правила и принципы, перспективы развития в современных условиях // *Финансовые рынки и банки*. 2023. № 6. С. 140–146.
3. Дерзаева Г. Г., Алеткин П. Партнерское финансирование: вызовы и возможности для России и стран СНГ // *Национальная безопасность* / *Nota Bene*. 2024. № 6. С. 47–64 <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2024.6.72566>

4. Смирнов Е. Е. Партнерское финансирование как перспективный канал для инвестиций // Аудитор. 2023. Т. 9, № 11. С. 3–9. <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-11-3-9>
5. Токмаков Е. А. Исламский банкинг: понятие, факторы становления и предпосылки развития в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15, № 3 (49). С. 83–105. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-83-105>
6. Шахов Д. В. Специальный правовой режим партнерского финансирования: правовые пробелы и пути совершенствования // Банковское право. 2025. № 3. С. 51–57. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2025-3-51-57>
7. Филимонов М. И. Понятие, правовая природа и сущность партнерского финансирования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 4. С. 21–38. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-4-2>
8. Данченко Е. А. Перспективы внедрения «исламских окон» в банковскую систему России // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. № 12-2. С. 50–55.
9. Thong M. S. Blockchain Toolkit for Islamic Financial Services // Blockchain for Financial Governance in Malaysia and Singapore. Singapore : Palgrave Macmillan, 2025. 178 p. https://doi.org/10.1007/978-981-96-1281-9_3
10. Мурушудли Ф. Ф. Инновационные тренды международного банковского бизнеса (на примере Азербайджана) // Вестник МГИМО – Университета. 2018. № 1 (58). С. 186–212. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-186-212>
11. Мирзоев Н. С., Сафаров М. Р. Использование исламских финансов в развитии сельского хозяйства в Азербайджане // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 8 (238). С. 95–106.
12. Беккин Р. Внедрение исламской финансовой модели в Киргизии // Россия и мусульманский мир. 2011. № 3. С. 66–71.
13. Муртазалиев Ш. М. О необходимости развития в Кыргызстане исламского финансирования / Теоретические и практические проблемы развития современной науки : материалы III Международной научно-практической конференции, г. Махачкала, 30 марта 2016 г. / под общ. ред. М. И. Абакарова. Санкт-Петербург : ИННОВАТИКА, 2016. С. 88–92.
14. Зарипов И. А. Малайзия – флагман исламских финансов // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20, № 4 (94). С. 118–129.
15. Фадин Д. А., Кошель С., Плясова С. В. Развитие финтех-индустрии в ОАЭ / Роль бизнеса в трансформации общества – 2024 : сборник тезисов студентов и аспирантов по итогам XIX Международного конгресса (международной научно-практической конференции), г. Москва, 8–12 апреля 2024 г. Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2024. С. 240–243.

References

1. Ruchkina G. F. Partnerskoe finansirovanie v Rossii: provedenie eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya // Bankovskoe pravo. 2024. № 1. S. 7–13. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-1-7-13>
2. Isaeva E. A. Islamskij banking: osnovnye pravila i principy, perspektivy razvitiya v sovremennyh usloviyah // Finansovye rynki i banki. 2023. № 6. S. 140–146.
3. Derzaeva G. G., Aletkin P. Partnerskoe finansirovanie: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii i stran SNG // Nacional'naya bezopasnost' / Nota Bene. 2024. № 6. S. 47–64 <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2024.6.72566>
4. Smirnov E. E. Partnerskoe finansirovanie kak perspektivnyj kanal dlya investicij // Auditor. 2023. Т. 9, № 11. S. 3–9. <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-11-3-9>
5. Tokmakov E. A. Islamskij banking: ponyatie, faktory stanovleniya i predposylki razvitiya v Rossii // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. 2023. Т. 15, № 3 (49). S. 83–105. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-83-105>
6. Shahov D. V. Special'nyj pravovoj rezhim partnerskogo finansirovaniya: pravovye probely i puti sovershenstvovaniya // Bankovskoe pravo. 2025. № 3. S. 51–57. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2025-3-51-57>
7. Filimonov M. I. Ponyatie, pravovaya priroda i sushchnost' partnerskogo finansirovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2023. № 4. S. 21–38. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-4-2>
8. Danchenko E. A. Perspektivy vnedreniya «islamskih okon» v bankovskuyu sistemu Rossii // Sovremennye tendencii v ekonomike i upravlenii: novyj vzglyad. 2011. № 12-2. S. 50–55.
9. Thong M. S. Blockchain Toolkit for Islamic Financial Services // Blockchain for Financial Governance in Malaysia and Singapore. Singapore : Palgrave Macmillan, 2025. 178 p. https://doi.org/10.1007/978-981-96-1281-9_3
10. Murshudli F. F. Innovacionnye trendy mezhdunarodnogo bankovskogo biznesa (na primere Azerbajdzhana) // Vestnik MGIMO – Universiteta. 2018. № 1 (58). S. 186–212. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-186-212>
11. Mirzoev N. S., Safarov M. R. Ispol'zovanie islamskih finansov v razvitii sel'skogo hozyajstva v Azerbajdzhanе // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2024. № 8 (238). S. 95–106.
12. Bekkin R. Vnedrenie islamskoj finansovoj modeli v Kirgizii // Rossiya i musul'manskij mir. 2011. № 3. S. 66–71.
13. Murtazaliev Sh. M. O neobходимости razvitiya v Kyrgyzstane islamskogo finansirovaniya / Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoj nauki : materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Mahachkala, 30 marta 2016 g. / pod obshch. red. M. I. Abakarova. Sankt-Peterburg : INNOVATIKA, 2016. S. 88–92.
14. Zaripov I. A. Malajziya – flagman islamskih finansov // Vestnik Finansovogo universiteta. 2016. Т. 20, № 4 (94). S. 118–129.
15. Fadin D. A., Koshel' S., Plyasova S. V. Razvitie fintekh-industrii v OAE / Rol' biznesa v transformacii obshchestva – 2024 : sbornik tezisev studentov i aspirantov po itogam XIX Mezhdunarodnogo kongressa (mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii), g. Moskva, 8–12 aprelya 2024 g. Moskva : Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergiya», 2024. S. 240–243.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.